

ПРОЕКТЫ ОПИСАТЕЛЬНЫХ ПСИХОЛОГИЙ И ОПИСАТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

Понятие *описательной психологии* для многих сегодня звучит как архаизм и представляется достоянием лишь истории науки. Оно непременно навеивает ассоциации о чем-то, находящемся в оппозиции к «объяснительной психологии», которая оказалась исторически более состоятельной линией развития нашей науки и на фоне которой идеи и сама миссия «описательной психологии» теряют свою значимость. В лучшем случае это понятие ассоциируется с несбыточными романтическими надеждами ученых конца XIX — начала XX вв. на построение новой гуманитарной науки, изучающей психические явления в широком культурном контексте и отвергающей экспериментальные, измерительные и аналитические подходы. Между тем понятие описательной психологии достаточно неоднородно и не сводится лишь к этим расхожим представлениям, а идея описательных исследований приобретает сегодня совершенно новое звучание и очертания. В связи с этим будет интересно, на наш взгляд, проанализировать различные варианты описательной психологии и обсудить статус описательных психологических исследований в настоящее время.

Описательная психология Дильтея

В. Дильтею принадлежит самый ранний и известный вариант описательной психологии. Исторически он стал своеобразной реакцией на засилье в психологии того времени чересчур гипотетичных конструкций и теорий, основанных на логически выверенных умозаключениях, фактах объективного наблюдения за поведением и экспериментального исследования внешних проявлений душевной жизни человека. Дильтей считал, что мы не нуждаемся в раз-

ного рода объяснительных допущениях и гипотезах в силу того, что наша душевная жизнь доступна нам в *непосредственном усмотрении и переживании*. Мы знаем душевные состояния, в которых мы пребываем. Например, если я испытываю чувство печали, мне не нужно доказывать факт наличия данного состояния рациональными логическими доводами или данными стороннего наблюдателя. Я непосредственно переживаю и сознаю это состояние, я убеждаюсь в нем [Дильтей, 1924, с. 95–96]. В отличие от связи тех или иных природных явлений, связь душевных явлений доступна для нас: мы всегда можем ответить, связаны ли между собой те или иные наши переживания.

Именно поэтому «необходима и возможна психология, кладущая в основу своего развития описательный и аналитический метод и лишь во вторую очередь применяющая объяснительные конструкции» [Там же, с. 89]. Дильтей отстаивал возможность создания психологии, которая со всей доступной ей глубиной будет описывать и исследовать составные части и функции душевной жизни, но при этом не будет браться за конструирование всей причинной связи психических процессов. Общая цель такой психологии — без помощи каких-либо предвосхищающих гипотез описать структурную связь душевной жизни [Там же, с. 107]. Таким образом, познаваемые описательной психологией структурные связи — это не просто знаемые, выведенные логически, установленные гипотетико-дедуктивным образом, но пережитые, взятые из опыта, отрефлексированные и потому понятые связи.

Интересно, что Дильтей не отвергал возможности использования *объяснений, гипотез, анализа и эксперимента* — что делает многие упреки в его адрес несостоятельными. Он подчеркивал, что из-за сложности душевных явлений психология принуждена компенсировать один метод другим: соединяя наблюдение и самонаблюдение, использование испытуемых, сравнительный метод, эксперимент, изучение аномалий. Иными словами, «она пытается сквозь многие выходы проникнуть в душевную жизнь» [Там же, с. 99]. Более того, ему принадлежит мнение, что лишь в здоровом взаимодействии с опытными науками психология разовьется все-сторонне [Там же, с. 89]. То же касается объяснений и гипотез: когда связи душевных явлений описаны, возможно их привлечение, что имеет важное значение для расширения горизонта описательной психологии [Там же, с. 115]. В этом заключается ее особен-

ность: «Описательная и расчленяющая психология кончает гипотезами, тогда как объяснительная с них начинается» [Там же, с. 63]. Кроме того, описательная психология должна быть одновременно аналитической: включать в себя и анализ как процедуру расчленения сложного, выделения его составных частей [Там же, с. 62]. В описательной деятельности применяются самые различные операции: сравнения, различения, измерения степеней, разделения и связывания, абстракции, объединения, обобщения, классификации [Там же, с. 61]. Таким образом, давая описание и номенклатуру основных форм явлений, описательная психология, по мнению Дильтея, работала бы над будущим согласованием психологической терминологии [Там же, с. 64].

Феноменологическая психология Гуссерля

Несмотря на огромное влияние работ Дильтея на психологию конца XIX — начала XX вв., они не получили какой-либо методологической и методической разработки в психологии и так и остались на уровне осмысления общих проблем описательного подхода к душевным явлениям. Э. Гуссерль задал новый вектор развития описательного подхода в философии и психологии. Разрабатываемую им феноменологию и феноменологическую психологию он называл *дескриптивной наукой*, опирающейся на описание как на свой метод. Смысл этого метода хорошо передает слова Гуссерля: не претендовать ни на что, кроме того, что мы способны довести до ясного усмотрения [Гуссерль, 1999, с. 130]. Отметим, что первоначально Гуссерль использовал понятие описательной психологии, ставшее широко популярным к тому времени в среде психологов и философов. Однако вскоре он полностью отказался от него из-за того, что это понятие приобрело уже свое специфическое значение подхода, в котором методическое предпочтение отдается лишь внутреннему опыту, «имманентным» описаниям и проч. [Гуссерль, 2001, с. 30; 1999, с. 20].

Феноменологическая психология трактовалась Гуссерлем как априорная, интуитивная, дескриптивная дисциплина. Цель ее заключалась в установлении дескриптивных различий феноменов душевной жизни. Гуссерль писал: «Психология должна изучать — дескриптивно — переживания, составляющие Я (или содержания сознания), в их сущностных видах и комплексных формах, чтобы

затем отыскивать — генетически — их возникновение и исчезновение, каузальные формы и законы их формирования и преобразования» [Гуссерль, 2001, с. 335]. Как оригинально заметил ученик Гуссерля, известный феноменолог А. Райнах, речь идет о дисциплине, которая стремится к инвентаризации сознания, определению типов переживаний как таковых [Райнах, 2001, с. 329]. Она «должна не объяснять или сводить к чему-то другому, она стремится прояснять и приводить. Она стремится привести Что переживания, от которого мы сами по себе столь далеки, к предельной наглядной данности, стремится определить его в самом себе, отличить и отделить его от всего другого» [Там же, с. 331].

Вопреки распространившемуся в отечественной психологии заблуждению, Гуссерль не отказывал в важности эмпирическому изучению психологических феноменов, как и не ставил под сомнение ценность экспериментальной психологии и проделанной ею работы [Гуссерль, 1999, с. 20; 2001, с. 201]. Гуссерль вообще никогда не солидаризовался с модным в его время восстанием против науки [Шпигельберг, 2002, с. 95]. Он считал лишь, что любая эмпирическая работа должна осуществляться на почве феноменологически проясненных понятий и данных опыта, благодаря чему психология может подняться на более высокую ступень научности. В противном же случае психология, гордая своей опытностью, будет постоянно пополняться измышленными феноменами и психологическими анализами, которые даже не являются в строгом смысле «анализами» [Гуссерль, 1999, с. 58]. Основной упрек Гуссерля в адрес психологии состоял в том, что исходные классы понятий, которыми она оперирует (восприятие, фантазия, высказывание и т.д.) и которые задают смысл ее предметной области и ее теориям, берутся из обыденного опыта и остаются спутанными, многозначными и слишком грубыми для описания. Каждое из таких слов указывает на целое множество горизонтов явления, его составных частей и сторон, остающихся неразличенными и отрефлексированными [Гуссерль, 2005, с. 205]. Сама феноменальная жизнь нашего сознания дана нам в очень спутанном виде, что и требует особого рода науки, которая занималась бы тщательным и специальным ее изучением [Там же, с. 206]. Что же касается экспериментальной психологии, то Гуссерль лишь указывал, что она не решает именно этой важной задачи. Используемые нами понятия, уже по самой экспериментальной процедуре, остаются нетронутыми при дальнейшем

движении исследования и переходят в конечные результаты и выводы, в те научные опытные суждения, которые и были целью исследования [Там же, с. 205].

Феноменологический метод, предложенный Гуссерлем, в своем исходном виде представлял собой способ интуитивного прояснения, рефлексивного анализа и всестороннего описания разного рода предметного содержания, представленного в сознании, позволяющий привести к ясности, строгости и адекватности используемые нами философские, научные понятия и положения [Улановский, 2006; 2007]. Г. Шпигельберг пишет, что феноменологический метод представляет собой попытку уделять феноменам более полное и прямое внимание, чем оно уделяется им в традиционном эмпиризме, своеобразную попытку обогатить мир нашего опыта, показав некоторые из его ранее игнорировавшихся аспектов. Известную оккамовскую максиму «не умножать сущности без необходимости» феноменология могла бы дополнить еще одним положением: «не следует отбрасывать феномены, данные интуитивно» [Шпигельберг, 2002, с. 640]. Феноменология отстаивает необходимость отказа от позиции, в соответствии с которой ничто не должно быть признано как исследовательские данные, если оно не может быть приписано конкретному органу чувств, — предвзятости, которым позитивисты оправдывают отказ считаться с феноменологическими данными [Там же]. В не меньшей мере феноменологический метод находится в оппозиции и к распространенному теоретизму философских и научных изысканий, когда за исходную позицию принимаются выкристаллизовавшиеся убеждения и теории, унаследованные от традиции, и на их основе надстраиваются все новые концептуальные элементы. В этом смысле данный метод — попытка нейтрализовать действие привычных способов мысли об изучаемом феномене и возвратиться к данным первичного опыта.

Описательный метод в гештальт-психологии

Идеи описательной феноменологии Гуссерля оказали заметное влияние на идеи и методологию гештальт-психологии (Вертегеймер, Келер, Коффка). В отличие от сторонников бихевиоризма, гештальт-психологи полагали, что не использовать прямые феноменологические описания человека там, где это возможно, было бы непозволительной роскошью для психолога и даже не вполне науч-

но, так как с научной точки зрения недопустимо пренебрежение к материалу, который находится в нашем распоряжении [Шпигельберг, с. 364]. К. Коффка писал: «Фактом величайшей важности является то, что я вообще могу давать описательные показания. Это, по меньшей мере, так же характерно для меня, как то, что я дышу и питаюсь. Куску дерева это недоступно, как будет недоступно и мне после смерти, но и амеба тоже не может этого сделать. Если бы я не мог давать дескриптивных показаний, я вообще бы не мог делать никаких других показаний» [Коффка, 1998, с. 364].

Сам *описательный метод* рассматривался в гештальт-психологии как один из базовых методов психологического исследования. Выделяются три группы психологических методов, использовавшихся в гештальт-психологии: 1) объективные методы, включающие внешнее наблюдение за поведением человека или животного, эксперимент и измерение; 2) комбинированные объективно-субъективные методы, которые отличаются от первых включением самоотчетов испытуемых, раскрывающих «дескриптивную» сторону их поведения; 3) собственно субъективный, дескриптивный метод, в котором отвергается всякое естественно-научное наблюдение и используются лишь данные самовосприятия, описания собственных переживаний [Там же, с. 369–374].

К. Коффка также различал два класса понятий, которые используются в психологии: *функциональные понятия*, в которых мы как внешние наблюдатели описываем поведение наблюдаемого объекта; и *описательные понятия*, в которых наблюдаемый сам комментирует собственные переживания. Так, наблюдая за процессом колки дров дровосеком и называя его состояние «утомлением» на основании наблюдаемого ослабления его движений, мы используем функциональные понятия. Понятия же, в которых дровосек сам описывает свое состояние («чувствовал себя усталым», «стало трудно» и т.д.), суть описательные понятия. В отличие от описания внешнего поведения, при описании переживаний лишь один человек — сам переживающий — может решить, правильно или неправильно применены понятия. Никто кроме дровосека не может сказать, легка или трудна ему работа [Там же, с. 359]. К. Коффка отмечает, что интерес к переживаниям специфичен для психолога, что делает описательные (дескриптивные) понятия особенно востребованными в психологии. Функциональные понятия, являющиеся основным средством анализа в естественных науках,

способны схватывать лишь внешне наблюдаемую сторону поведения человека, а потому не могут быть достаточным средством для психологии. Примечательно, что к функциональным понятиям Коффка причисляет понятия меры и числа, отмечая при этом, что перевод всех качественных различий в количественные, служащий идеалом в естественных науках, применительно к переживаниям совершенно неприемлем [Там же, с. 362]. **Как он пишет, переживания нельзя измерить: они являются качественной характеристикой и «количественное» в естественно-научном смысле им совершенно не присуще [Там же].**

Стоит здесь добавить, что идея описательного феноменологического изучения чего-либо оказала свое влияние и на формирование стиля и методов работы гештальт-терапии Ф. Перлза, развивавшейся независимо от гештальт-психологии. Отличительной чертой гештальт-терапии, в сравнении с психоанализом и аналитической психологией, является ее внимание к *явному и очевидному* в поведении и переживаниях клиента вместо работы со скрытым, подразумеваемым, «глубинным» содержанием (неосознаваемые мотивы, конфликты и проч.), а также использование *феноменологических описаний переживаний* человека вместо интерпретаций их с позиции той или иной теории или здравого смысла. Ф. Перлз настаивал на важности описательного подхода, ориентированного на раскрытие конкретного способа протекания некоторого опыта, что предполагает предпочтение вопросов «как?» вопросам «почему?» и процессам, протекающим «сейчас», тому, что происходило «тогда» [Перлз, 2002]. Вся работа гештальт-терапевта вращается вокруг прояснения того, что человек испытывает, как он нечто переживает, что он чувствует. Когда клиент пускается в пространные рассуждения по поводу своей проблемной ситуации, гештальт-терапевт обычно старается вернуть его назад к переживаниям, которые связаны с этой ситуацией и проявляются непосредственно при ее обсуждении во время психотерапии.

«Описательная психология» Оссорио

Говоря об описательном подходе в психологии, мы не можем не указать на одно весьма своеобразное направление, которое также носит название описательной психологии, но не имеет никакого отношения к той традиции, о которой мы до сих пор говорили.

Это направление возникло в конце 1960-х — середине 1970-х годов в Америке благодаря работам П. Оссоріо [Ossorio, 1981a; 1981b). Позже оно получило развитие в работах его последователей, среди которых можно встретить не только психологов, но и лингвистов, специалистов по вычислительным системам и даже теологов [Advances in Descriptive Psychology, 1981; 1982; 1983; 1985].

Развиваемая этой группой исследователей «описательная психология» трактуется ими как отрасль науки о поведении [Ossorio, 1981a, p. 13]. **Основные цели этой науки П. Оссоріо и его коллеги** видят в разработке специальных средств описания поведения человека, культурных процессов, равно как и любых других объектов, событий и положений дел. По существу, то, что данные авторы называют описательной психологией, представляет собой последовательно выстроенную систему понятий, правил, формул, схем, диаграмм и максим, с помощью которых производится концептуализация различных феноменов человека и его поведения. Примечательно, что сама процедура «описания» здесь включает процедуру параметрического анализа, а также операции со специальными формулами. В частности, «описание поведения» производится через операции над условной формулой поведения [Ossorio, 1981a; 1981b; Shideler, 1988]. **Кроме этого, описания поведения подчинены** своеобразным максима́м описания (обобщенным утверждениям о поведении человека), предъявляющим логические требования к полноте и согласованности описаний. Через соотнесение с этими максима́ми оценивается валидность и истинность описаний. Как пишет одна из представительниц этого направления М. Шиделер, «описание не должно нарушать какую-либо из этих максим, так как в противном случае в этих описаниях почти определенно будет какая-либо ошибка» [Shideler, 1988, p. 37].

Оценивая данное направление в контексте существующих психологических и философских традиций, следует признать, что его появление под названием «описательная психология» выглядит по меньшей мере странным. Как мы могли видеть, за прошедшее столетие в философии и психологии за этим названием закрепилась группа вполне конкретных идей и теорий, с которыми данное направление не имеет ничего общего и даже является их прямым оппонентом. Проекты описательной психологии, обсуждавшиеся выше, предполагали решительный отказ от разного рода догматически принятых положений, дедуктивных построений, жестких

схем и моделей, формализаций и логических операций. При этом П. Оссорио и его коллеги вообще никак не соотносятся с существующими до них традициями, равно как и не затрагивают привычную проблематику описательного подхода. Все это, на наш взгляд, не создает ничего, кроме путаницы и размывания понятий. Не вполне понятно и то, почему в данном случае следует вообще говорить о «психологии» и «описании», так как ни к психологической проблематике, языку и методам, ни к описанию в привычном общенаучном смысле данное направление никак не апеллирует. Кроме того, остается много вопросов, касающихся отдельных положений этого направления. К примеру, несмотря на увлекательность применяемого автором параметрического анализа, остается без пояснений то, каким образом были выделены предлагаемые восемь параметров поведения (параметры индивидуального своеобразия, желания, знания, умения, процесса выполнения, достижений, личностных характеристик и значимости), с помощью которых происходит «описание» поведения.

Описательная феноменология и методология науки

Благодаря работам М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера, П. Рикера, Ч. Тэйлора вариант *описательной феноменологии* Гуссерля был потеснен интерпретативной, или *герменевтической феноменологией*, которая на сегодняшний день доминирует в рамках феноменологического движения. Это привело к обогащению языка феноменологии такими понятиями, как интерпретация, понимание, герменевтический круг и др. Влияние герменевтики на философию и социальные науки оказалось настолько существенным, что сегодня часто говорят об интерпретативном повороте, произошедшем в них в 1970-е годы. Интерпретативный, герменевтический подход находит своих приверженцев в социологии, этнографии, истории, юриспруденции, существуют его последователи и в психологии [Sandage et al., 2008]. На этом подходе строится сегодня значительная часть качественных исследований [Улановский, 2008; 2009]. Даже среди вариантов феноменологического анализа в психологии выделяется, с одной стороны, описательный [Giorgi, Giorgi, 2003], а с другой — интерпретативный анализ [Smith, 2003].

Однако в последнее время проблематика описательной феноменологии была воскрешена работами Д. Моханти, Т. Сибома,

В. Карра, Р. Соколовски, Ф. Керстена, Д. Уэлтона, А. Джорджи. В этих работах была показана значимость первоначального гуссерлевского проекта и специфика принципов описательного феноменологического подхода к исследованию в сравнении с другими подходами в философии и социальных науках. В частности, были показаны отличия описательного подхода от различных дедуктивных философских систем знаний, процедур подтверждения-опровержения гипотез, интерпретативных схем и теоретических моделей, рациональных реконструкций переживаний, аналитических рефлексий, проясняющих условия возможности изучаемого, объяснительных систем, раскрывающих, в частности, лежащие за явлением процессы [Mohanty, 1987]. Кроме этого, в работах перечисленных авторов анализировались проблемы критериев оценки дескриптивной философии и науки, проблема «чистых описаний» и «данности» объекта, проблема типов описаний и прочие важные проблемы методологии науки.

Отдельные современные последователи феноменологии придерживаются точки зрения, что наиболее значимые и многообещающие завоевания феноменология осуществила в своих рефлексивно-описательных, проясняющих исследованиях. Этой позиции придерживается и автор данной статьи. Феноменология дала философии, социальным наукам и психологии надежду на систематичное описательное изучение возможностей и измерений человеческого опыта. И именно как способ изучения переживаний, избегающий непременно помещения их в рамку какой-то теории или готовой интерпретативной модели, феноменология была воспринята в психотерапии и развита в работах Ф. Перлза, Р. Мэя, Р. Лэйнга, К. Роджерса, Дж. Бьюдженталя, Ф. Бьютендика, Е. Кина, Д. Крюгера, Ю. Джендлина, А. Лэнгле, Э. Спинелли и др.

Проект описательной науки Джорджи

В психологии проблематика описательного подхода была возрождена в 1970-е годы работами А. Джорджи, который также является одним из ключевых представителей современной американской феноменологической психологии. Опираясь на работы Э. Гуссерля и Д. Моханти, он обосновывает возможность дескриптивной логики построения научного знания в гуманитарных науках, возможность самой идеи описательной науки и использования описания как ле-

гитимного способа получения данных в психологическом исследовании [Giorgi, 1986; 1992]. Вслед за Гуссерлем и Моханти Джорджи определяет описание как «использование языка для высказываний об интенциональных объектах переживания в пределах интуитивно представляемой очевидности» [Giorgi, 1992, p. 121]. По мнению Джорджи, дескриптивный анализ может быть произведен так, что результаты будут соотноситься с определенной очевидностью и не будут включать гипотетических или теоретически нагруженных моментов [Ibid., p. 125]. **В общем смысле, описательная установка требует, чтобы субъект описывал то, что презентуется строго таким образом, каким оно презентуется, без каких-либо добавлений и вычитаний [Ibid., p. 121]. Кроме этого, описание предполагает известную процедуру феноменологической редукции, в соответствии с которой необходимо «заключение в скобки» всех прошлых знаний о проживаемом феномене, равно как и воздержание от экзистенциальных утверждений [Ibid., p. 122].** А. Джорджи противопоставляет описательный подход в психологии, с одной стороны, позитивистскому и эмпиристскому подходу, а с другой — интерпретативному, или герменевтическому подходу.

И описание, и интерпретация являются легитимными средствами, однако преследуют разные интересы или мотивы. Мотивом для *интерпретации* обычно является ситуация сомнения, незнания, неполноты, неясности [Ibid.]. **Мы обращаемся к интерпретации там, где нечто не дано полноценным и ясным образом, где, как мы предполагаем, нечто скрыто от нас, что мы трактуем и домысливаем.** Согласно Джорджи, интерпретация представляет собой развитие правдоподобной, но условной линии приписывания смысла при сообщении о феномене. Это прояснение смысла переживаемых объектов в терминах условно принятой теоретической перспективы, допущения, гипотезы и т.д. *Описание* же не предполагает принятия чего-либо условного (теоретических положений, допущений, гипотез). Описание — это прояснение смысла объектов опыта строго таким образом, каким они переживаются [Ibid.]. При этом Джорджи специально оговаривается, что речь здесь не идет о какой-либо универсальности или аподиктичности, равно как и об однозначности, полноте или тотальности. Речь здесь идет лишь о том, что дескрипции могут эффективно охватывать феномен, представленный сознанию [Ibid.]. **Таким образом, основополагающим в различии описания и интерпретации выступает принцип**

очевидности: «Оставаться строго с очевидной “данностью” любой исследуемой ситуации значит описывать; покидать ее по каким-то причинам — из-за допущений ли, теории, гипотез или прагматики — значит вовлекаться в интерпретацию» [Giorgi, 1992, p. 134].

Проект описательных исследований в психологии

Обозначая собственную позицию по отношению к описательной психологии, мы полагаем, что ее современное значение и сильные стороны заключаются совсем не в ее оппозиции и критике чего бы то ни было. Попытки оживить старую аргументацию (про недостатки экспериментальной психологии и преимущества идеи «гуманитарной методологии») выглядят сегодня достаточно наивными и непродуктивными. В то же время мы считаем оправданным говорить об «описательной психологии» в смысле описательной методологии исследования. Мы полагаем, что одной из наиболее плодотворных и перспективных линий развития описательной психологии выступает разработка *описательных исследований* как особого вида эмпирических исследований в психологии.

Традиционно в социальных и естественных науках описательные исследования рассматривались как вид исследований, цель которых — предоставлять всесторонние и исчерпывающие отчеты об изучаемом предмете. Однако в психологии их постигла незавидная судьба: сначала их идейно противопоставили объяснительным исследованиям (эксперименту, измерению), а затем под сомнение был поставлен и сам их статус как самостоятельного вида научного исследования. Исследования, направленные на сбор описаний психологических феноменов, фактически утратили в психологии право называться в полном смысле научными и стали трактоваться лишь как предварительный, вспомогательный этап собственно научного исследования. Подобные исследования сегодня сложно представить, например, в качестве защищаемых квалификационных работ (диссертаций, дипломных, курсовых), что приводит к полной утрате интереса к ним со стороны студентов. Между тем в смежных науках (социологии, этнографии и др.) описательные исследования занимают гораздо более почетное место и признаются самостоятельным по своим задачам видом научного исследования наряду с поисковыми, экспериментальными и др. С нашей точки

зрения, такая трактовка имеет все основания и в психологии и даже необходима ей — в противном случае этот вид исследований так и будет оставаться на второстепенных ролях.

Мы выступаем с защитой описательных исследований как отдельного, самостоятельного вида научных психологических исследований. При описательном плане исследования целью является раскрытие *структурно-функциональных связей и классификационных характеристик* изучаемого объекта (что отличает данный план от экспериментального плана, направленного на раскрытие причинно-следственных связей предмета). Как отмечает Д. Полкинхорн, понятие описательного исследования означает исследования, результаты которых предъясняются в виде таксономических описаний. Описательными являются некоторые естественные науки — например, ботаника и орнитология, практика которых заключается в установлении классификационных схем для объектов, входящих в их область [Polkinghorne, 1989, p. 45]. **Хорошим примером описательных исследований в психологии могут служить разнообразные стратегии качественных исследований:** феноменологическое исследование, ориентированное на сбор и анализ описаний переживаний человека; нарративное исследование, ориентированные на сбор и анализ жизненных историй человека; этнографическое исследование, ориентированные на описательное изучение образа жизни, отношений и практик представителей тех или иных сообществ; исследование индивидуального случая, направленное на интенсивное, глубокое и детальное изучение какого-то отдельно взятого случая; и др. [Улановский, 2008; 2009].

Заключение

Анализ различных вариантов описательной психологии позволяет составить ее собирательный образ. Если опустить ее идеологическое содержание и крайние позиции, можно сказать, что она 1) ориентирована на описание, анализ и классификацию явлений психологической жизни человека; 2) призывает к разработке собственной описательной номенклатуры в психологии и к приведению к ясности, согласованности и адекватности психологических понятий; 3) в качестве источников описаний использует преимущественно субъективные самоотчеты испытуемых и наблюдения исследователя; 4) признает руководящим принципом описания

принцип очевидности — опору на то, что дано непосредственно в наблюдении или что сообщается самим испытуемым; 5) стремится избегать непроясненных утверждений, нагруженных дедуктивных построений, допущений и интерпретаций. Подчеркивая значение этих идей для психологии, мы обратились к проблематике описательных исследований, стремясь раскрыть их специфику и показать их значимость как разновидности научного психологического исследования.

Литература

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. I. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.

Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. II (1). Т. III (1). М.: Гнозис: Дом интеллектуальной книги, 2001.

Гуссерль Э. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005.

Дильтей В. Описательная психология. СПб.: Алетейя, 1996.

Коффка К. Основы психического развития // Гештальт-психология. М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. С. 348–657.

Перлз Ф. Практика гештальттерапии. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2002.

Райнах А. Собрание сочинений. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.

Улановский А.М. Проблема феноменологического описания и описательный подход в психологии // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. Вып. 2 / под общей. ред. Б.С. Братуся, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2006. С. 106–124.

Улановский А.М. Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1. С. 130–150.

Улановский А.М. История и векторы развития качественных исследований в психологии // Методология и история психологии. 2008. № 2. С.129–139.

Улановский А.М. Качественные исследования: подходы, стратегии, методы // Психологический журнал. 2009. № 2. С. 18–28.

Шнигелберг Г. Феноменологическое движение. Историческое введение. М.: Логос, 2002.

Advances in Descriptive Psychology. Vol. 1 / К.Е. Davis (ed.). Greenwich: JAI Press, 1981.

Advances in Descriptive Psychology. Vol. 2 / К.Е. Davis, Т. Mitchell (eds). Greenwich; L.: JAI Press, 1982.

Advances in Descriptive Psychology. Vol. 3 / К.Е. Davis, R. Bergner (eds). Greenwich; L.: JAI Press, 1983.

Advances in Descriptive Psychology. Vol. 4 / К.Е. Davis, Т. Mitchell (eds). Greenwich; L.: JAI Press, 1985.

Giorgi A. Theoretical Justification for the Use of Descriptions in Psychological Research // Qualitative Research in Psychology. Proceedings of the International Association for Qualitative Research in Social Science / P.D. Ashworth, A. Giorgi, A.J. de Koning (eds). Pittsburgh, PA: Duquesne University Press, 1986. P. 3–22.

Giorgi A. Description versus Interpretation: Competing Alternative Strategies for Qualitative Research // Journal of Phenomenological Psychology. 1992. Vol. 23. No. 2. P. 119–135.

Giorgi ., Giorgi B. The Descriptive Phenomenological Psychological Method // Qualitative Research in Psychology: Expanding Perspectives in Methodology and Design / P.M. Camic et al. (eds). Washington, DC: American Psychological Association, 2003. P. 243–273.

Mohanty J.N. Philosophical Description and Descriptive Philosophy // Phenomenology: Descriptive or Hermeneutic. Pittsburgh, PA: Simon Silverman Phenomenology Center, 1987. P. 39–61.

Ossorio P.G. Notes on Behavior Description // Advances in Descriptive Psychology. Vol. 1 / К.Е. Davis (ed.). Greenwich: JAI Press, 1981a.

Ossorio P.G. Outline of Descriptive Psychology for Personality Theory and Clinical Application. Vol. 1 // Advances in Descriptive Psychology / К.Е. Davis (ed.). Greenwich: JAI Press, 1981b.

Polkinghorne D. Phenomenological Research Methods // Existential-Phenomenological Perspectives in Psychology: Exploring the

Breadth of Human Experience: With Special Section on Transpersonal Psychology / R.S. Valle, S. Halling (eds). N.Y.: Plenum Press, 1989.

Sandage S.J., Cook K.V., Hill P.C., Strawn B.D., Reimer K.S. Hermeneutics and Psychology: A Review and Dialectical Model // Review of General Psychology. 2008. Vol. 12. No. 4. P. 344–364.

Smith J., Osborn M. Interpretative Phenomenological Analysis // Qualitative Psychology: A Practical Guide to Research Methods / J.A. Smith (ed.). London: Sage, 2003. P. 51–80.

Shideler M. Persons, Behavior, and the World. The Descriptive Psychology Approach. Lanham: University Press of America, 1988.

© Улановский А.М., 2012

**НОВЫЕ
ДИССЕРТАЦИОННЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**